

РУКОВОДСТВО

для

СЕЛЯНСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять р. с. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кievской семинаріи.

№ 47.

1870 года. Ноября 22-го.

Содержаніе: Поученіе о томъ, что и мірліне не только могутъ, но и обязаны участвовать въ распространеніи вѣры Христовой.— Истинные вселенскіе соборы въ сопоставленіи съ нынѣшнимъ мнимо вселенскимъ соборомъ въ Римѣ.—Современно общественыя вопросы и церковная проповѣдь.—Старые обычаи и новыя взгляды.—Отвѣтъ церковно-пастырской практики на современные пастырскіе вопросы.—Объявленіе.

ПОУЧЕНІЕ

о томъ, что и мірліне не только могутъ, но и обязаны участвовать въ распространеніи вѣры Христовой.

Идите въ міръ весь, проповѣдуйте евангеліе всей твари.
(Марк. 16, 15)

Такую заповѣдь далъ Господь и Богъ нашъ ученикамъ своимъ и апостоламъ, посылая ихъ, по воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ, на всемірную проповѣдь. И-апостолы Христовы свято исполнили заповѣдь Господа и учителя своего. Отъ конецъ земли и до конецъ ея протекали красныя ноги ихъ: имя пресвятое имя Христово возвѣщено во всѣхъ стра-

нахъ земли, ученіе христіанское насаждено и утверждено въ сердцахъ тѣхъ людей, которые открыто и съ любовію принимали благовѣствованіе святое.

Есть преданіе, что земля наша русская, повсемѣстно осквернившаяся пѣкогда мерзкими жертвами идолослуженія, была освящена стопами св. апостола Андрея Первозваннаго. Такимъ образомъ, зари христіанскаго ученія возшла очень рано на горизонтъ нашего отечества. Но долгое время она слабо мерцала и своимъ небольшимъ свѣтомъ освѣщала небольшую мѣстность пространной земли русской, большею частію погруженной во тьму идолопоклонства и невѣденія Бога истиннаго. Прошли сотни лѣтъ, и свѣтъ утренней зари уступилъ наконецъ мѣсто свѣту солнечному. Святой благовѣрный князь Владиміръ принялъ вѣру христіанскую, крестился самъ, повелѣлъ крестить своихъ сыновей и своихъ подданныхъ, начиная съ Кіева. И вотъ свѣтъ незаходимаго солнца правды озарилъ своими благодатными лучами мало по малу всю землю русскую.—Но мы не можемъ сказать, что въ настоящее время для земли русской насталъ уже полдень ея благодатнаго просвѣщенія христіанскаго, что никто не укрылся отъ теплоты Христова ученія, согрѣвающего сердца вѣрующихъ, и отъ свѣта его божественнаго, просвѣщающаго умы людей Божіихъ.

Увы, братія мои, въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ насъ, въ дебряхъ не проходимыхъ, гдѣ царствуютъ вѣчная зима и холодъ, бури свирѣпствующія, снѣга не тающіе, куда, сквозь болота и тундры едва можетъ проникать стопа человѣческая,—тамъ и теперь блуждаютъ цѣлые милліоны кочующаго народа, которые не познали еще Бога истиннаго. Что же нужно для успѣшнаго обращенія къ вѣрѣ Христовой и этихъ несчастныхъ людей, сидящихъ во тьмѣ язычества и сѣни смертной?—Для сего нужны дѣлатели, т. е. нужны проповѣдники слова Божія, и матеріальныя средства для

распространенія и вкорененія вѣры Христовой между нашими согражданами.

Правда, что проповѣдничество, или распространеніе истины христіанскаго ученія и утвержденіе ихъ въ сердцахъ людей Божіихъ, существовавшихъ или существующихъ на землѣ, есть великое дѣло Божіе, къ которому призываются, можно сказать, только избранные Божіи. Правда, самъ Богъ воздвигалъ и въ ветхозавѣтной Церкви своей людей, избранныхъ отъ чрева матери ихъ, на проповѣдь, для просвѣщенія людей свѣтомъ истиннаго боговѣденія, посылалъ пророковъ для вкорененія истины богопознанія и богопочтенія, для обличенія невѣрія и неправовѣрія, для откровенія или сообщенія людямъ истиннаго свѣта Божія, просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ; правда, что, по исполненіи времени, приходилъ на землю самъ Сынъ Божій, между прочимъ, для сей же цѣли, то есть для того, чтобы просвѣтить людей свѣтомъ ученія Своего, а затѣмъ Онъ избралъ и послалъ учениковъ Своихъ въ міръ весь проповѣдать Евангеліе всей твари; правда, что Господь Богъ нашъ, по вознесеніи Своемъ на небо, оставилъ въ Церкви Своей святой овы апостолы, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя для распространенія ученія Своего; но и каждый истинный христіанинъ, какого бы званія и состоянія онъ ни былъ, можетъ, если захочетъ, и долженъ принимать участіе въ дѣлѣ христіанскаго благовѣствованія. Какимъ же образомъ?

Я сказалъ уже, что на огромномъ протяженіи нашего необъятнаго отечества существуютъ еще милліоны людей, невѣдущихъ Бога истиннаго, которые поклоняются огню, водѣ, боготворятъ разныя вещи и предметы, и блуждаютъ, какъ овцы, не имущія пастыря. Народы сіи смиренныя, кроткіе и простые сердцемъ съ охотою принимаютъ ученіе евангельское, когда имъ проповѣдуютъ слово Божіе на ихъ

родномъ языкѣ, пріемлютъ св. крещеніе и живутъ по христіански. Благодареніе Господу Богу, на св. Руси были и есть добрые люди, которые съ любовію христіанскою посвящали и посвящаютъ себя на служеніе спасенію нашихъ братій, невѣдущихъ Бога. Они, дѣйствуя съ ревностію апостольскою въ дѣлѣ проповѣдыванія Евангелія царствія Божія, многихъ уже обратили ко Христу Богу. Но одной ревности и усердія этихъ людей еще не достаточно для обращенія ко Христу всѣхъ инородцевъ; для успѣха въ семъ дѣлѣ еще нужны матеріальныя средства для того, чтобы сколько-нибудь помочь новообращаемымъ язычникамъ, находящимся въ самой крайней бѣдности, чтобы устроить для нихъ храмы Божіи, и снабдить ихъ книгами церковными и утварью церковною и проч. и проч. Судите сами, могутъ ли люди, посвятившіе себя на служеніе апостольское, изшедшіе проповѣдать Евангеліе въ міръ отдаленный по мѣстности и суровый по климату, — могутъ ли они успѣшно вести дѣло сіе святое, если не будутъ вспомоествуемы отъ насъ, хотя бы то малыми лептами?

Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ читаемъ слѣдующее: *народу евревавшему бы сердце и душа едина, и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща... Не бѣше нищѣ ни единъ въ нихъ: слѣцы бо господіе селомъ, или домовомъ бяху, продающе приношаху цѣны продаемыхъ и полагашу при ногихъ апостоловъ; даишася же комуждо, ego же аще кто требоваше* (Дѣян. 4. 32-36). Трудно, конечно, ожидать отъ насъ, и въ наше время такого полного безкорыстія и самоотверженія, которыя, какъ повѣствуетъ св. апостолъ и евангелистъ Лука, были въ первенствующихъ христіанахъ. Но не должны ли и мы сколько-нибудь подражать симъ добродѣтелямъ первыхъ христіанъ!... Они продавали все свое имѣніе, и деньги, вырученныя отъ продажи, отдавали въ

полное распоряженіе св. апостоловъ для употребленія на дѣла благая; а мы хоть бы нѣкую ленту вложили въ руки тѣхъ дѣятелей апостольскаго служенія, которые труждаются въ проповѣданіи слова Божія между народами, невѣдущими истиннаго Бога, и обращаютъ ихъ на путь спасенія. Посильнымъ нашимъ пожертвованіемъ на святое дѣло распространенія христіанства между язычниками мы стали бы участниками въ семъ святомъ дѣлѣ апостольскаго служенія. А служеніе сіе имѣетъ великую цѣну въ очахъ Божіихъ, ибо кто обратитъ на путь спасенія брата своего, заблуждающаго или согрѣшающаго, тотъ спасетъ душу свою и покроетъ множество грѣховъ своихъ, по ученію слова Божія. Вотъ какимъ образомъ мы можемъ быть участниками въ распространеніи Евангелія царствія Христова!

Но этого мало. Мало того, что мы *можемъ* быть участниками въ распространеніи Евангелія Христова, или ученія христіанскаго между инопорядками нашими,—мы *должны* участвовать въ семъ великомъ и святомъ дѣлѣ. Ибо сіи несчастные, не знающіе Бога истиннаго и поклоняющіеся идоламъ, суть наши ближніе и, можно сказать, ближайшіе изъ ближнихъ: они—соотечественники нами. А кто уклоняется отъ служенія ближнему, и притомъ ближайшему изъ ближнихъ, тотъ—горше невѣрнаго.

Притомъ же къ сему прямо обязываетъ насъ и одна изъ заповѣдей о дѣлахъ духовнаго милосердія. Въ православному исповѣданіи восточной Церкви читаемъ слѣдующее: »второе дѣло духовнаго милосердія есть паставить неученаго и невѣжду. Сіе дѣло надлежащимъ образомъ исполнить тотъ, кто научитъ невѣжду, какъ должно вѣровать во единого тріипостаснаго Бога. Предполагается, что онъ способенъ научить. Въ противномъ же случаѣ пусть найдетъ кого-либо разумнѣе и опытнѣе себя. Во-вторыхъ, долженъ научить незнающаго, какъ ему призывать Бога, и въ какой

молитвъ открывать Богу прошенія свои; также научить его заповѣдямъ Божиимъ, показавъ и способъ, какъ исполнять ихъ. Если будемъ нерадѣть о семъ, то необходимо должны страшиться того страшнаго приговора, который произнесенъ на раба, получившаго одинъ талантъ и возвратившаго оный безъ всякой прибыли (Мѡ. 25, 24-30) «¹⁾». А наконецъ, можетъ ли быть и даже именоваться христіанскомъ тотъ, кто не выражаетъ, чѣмъ только можетъ, искренняго сочувствія къ распространенію христіанства?! Истинное чувство христіанское само въ себѣ такъ живо и дѣйствительно, что не можетъ не проявляться въ самыхъ разнообразныхъ дѣйствіяхъ истинно-христіанскихъ. И тамъ не ищите полной цвѣтущей жизни христіанской, гдѣ видите замкнутость, сосредоточенность въ себѣ сего чувства. Такимъ образомъ, каждый изъ насъ, братъ, какого бы кто званія и состоянія ни былъ, и можетъ, по мѣрѣ силъ своихъ, и обязанъ, по христіанскому долгу, вспомоствовать миссіонерамъ въ распространеніи христіанства между инородцами, нашими собратіями, соотечественниками.

Боже святой, Боже крѣпкій, Боже безсмертный! Освяти, укрѣпи и оживотвори наши мысли, наши желанія и наши чувства, да содѣлаемся и мы участниками во святомъ дѣлѣ распространенія истинной, правой и святой вѣры и твердаго благочестія между собратіями и соотечественниками нашими, да отъ конецъ и до конецъ земли русской едиными усты и единымъ сердцемъ славится Твое Трисвятое имя—Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Прот. *И. Г.*

¹⁾ Прав. Исп. Вост. Ц. Ч. 2 вопр. и отв. 49.

ИСТИННЫЕ ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ ВЪ СОПОСТАВЛЕНИИ СЪ НЫНѢШНИМЪ МНИМО-ВСЕЛЕНСКИМЪ СОБОРОМЪ ВЪ РИМѢ. ¹⁾

Злая Евтихіева ересь, изъ которой проистекли заблужденія, изобличенныя и осужденныя на халкидонскомъ вселенскомъ соборѣ, была живуча, если не въ первоначальномъ своемъ видѣ, то въ своихъ вырождахъ. Изъ нихъ особенно много зла причинило моноелитство. Моноелитская ересь не осмѣливалась явно отвергать два естества въ Иисусѣ Христѣ, но, признавая въ немъ одну только волю и одно дѣйствіе, прикровенно проповѣдывала тоже Евтихіево нечестіе. Изобрѣтателемъ моноелитской ереси былъ епископъ Ѳеодоръ Фаранитъ, а распространителемъ—Сергій архіепископъ константинопольскій, родомъ сиріанинъ, воспитанный въ Яковитскомъ лжеученіи. Но особенно способствовалъ къ развитію и утвержденію моноелитской ереси Афанасій патріархъ Яковитовъ, также уроженецъ сирійскій, не признававшій опредѣленій халкидонскаго собора. Встрѣтившись въ Іераполѣ съ императоромъ Пракліемъ, во время похода его противъ персовъ, Афанасій увлекъ императора въ заблужденіе до того, что онъ издалъ эдиктъ, извѣстный подъ названіемъ *изложенія*, въ которомъ требовалъ, чтобы всѣ признавали во Христѣ одну волю и одно дѣйствіе, и повелѣлъ выставить этотъ эдиктъ на дверяхъ храма. Такимъ образомъ ложное моноелитское ученіе не замедлило распространиться въ египетской и константинопольской областяхъ.

¹⁾ Смотри. № 35-й. Нынешній мнимо-вселенскій соборъ въ Римѣ и послѣ провозглашенія нелѣпаго догмата о непогрѣшимости папы, римскіе католики не считаютъ оконченнымъ. Извѣщаютъ, что такъ какъ взятіе Рима неаполитанскими войсками лишаетъ соборъ необходимой свободы, то папа отсрочиваетъ этотъ соборъ на неопредѣленное время. Кіевлян. № 123-й, 1870 года.

Такъ какъ совѣтниками Ираклія въ этомъ нечестивомъ дѣлѣ были, кромѣ Аѳанасія, Киръ фасидійскій и Сергій константинопольскій, то ревнитель благочестія Софроній, бывшій еще простымъ монахомъ, написалъ посланія къ поименованнымъ епископамъ, изобличившія моноелитскую ересь, и затѣмъ, когда былъ возведенъ на іерусалимскую кафедру, созвалъ помѣстный соборъ, на которомъ была обнаружена и осуждена моноелитская ересь. Обиженный этимъ, Сергій писалъ къ римскому папѣ Гонорію и въ посланіи своемъ старался выставить Софронія какъ нововводителя, возмущающаго востокъ проповѣдію о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ. Папа Гонорій отвѣчалъ Кирю, Сергію и Софронію такъ сбивчиво и двусмысленно, что моноелиты признали его своимъ сторонникомъ и покровителемъ.

Моноелитская ересь, опираясь на авторитетъ императора и папы разрасталась болѣе и болѣе, и возмущала Церковь при сынѣ Ираклія Константинѣ и внука Констансѣ, которые покровительствовали моноелитскому лжеученію. Она вооружалась на православную Церковь не только нечестивымъ ученіемъ своимъ, но и виѣшними гоненіями. Посему-то, когда, по смерти Констанса, вступилъ на престолъ сынъ его Константинъ Погонатъ, преданный православію; то главною заботою его въ продолженіи двадцати шести лѣтъ было уврачеваніе язвъ Церкви, нанесенныхъ ей моноелитскою злобою. Но не видя умиротворенія Церкви, императоръ, по соглашенію съ главнѣйшими православными епископами, въ 680 году по Р. Х. созвалъ въ Константинополѣ, въ царскомъ теремѣ-труллѣ, шестой вселенскій соборъ.

Соборъ этотъ, подъ предсѣдательствомъ самаго императора, состоялъ изъ 170 (по нѣкоторымъ изъ 280) епископовъ, собранныхъ изъ разныхъ странъ востока и запада. Въ числѣ ихъ главное мѣсто занимали патріархи-Георгій константинопольскій, Макарій антіохійскій и Петръ алек-

сандрійскій; мѣсто іерусалимскаго патріарха занямалъ іеромонахъ Георгій съ епископами, а отъ римскаго папы Аганоа были присланы четыре легата; пресвитеры Георгій и Теодоръ, діаконъ Іоаннъ и उपодіаконъ Констанцій.

Когда открылся соборъ, римскіе легаты просили императора, чтобы онъ повелѣлъ разслѣдовать причины и найти виновниковъ моноелитской ереси, возмущавшихъ миръ Церкви уже болѣе сорока лѣтъ. Императоръ пригласилъ отвѣчать на этотъ вопросъ Георгія константинопольскаго и Макарія антиохійскаго. Макарій сказалъ: »мы не вводимъ новыхъ словъ, но-что приняли какъ отъ святыхъ вселенскихъ соборовъ и святыхъ отцевъ, такъ и отъ предстоителей константинопольской церкви: Сергія, Павла, Пирра и Петра, а также отъ Гонорія папы древняго Рима и Кира папы александрійскаго о волѣ и дѣйствіи (І. Христа),—въ то вѣруемъ, то проповѣдуемъ и тому учимъ, и готовы доказать это«¹⁾. Императоръ потребовалъ, чтобы доказательства были представлены во-первыхъ изъ дѣяній вселенскихъ соборовъ. Принесены были соборные акты, хранившіеся въ патріаршей библіотекѣ, и былъ прочитанъ изъ первой книги третьяго вселенскаго собора отрывокъ, якобы благопріятствующій моноелитамъ, изъ твореній св. Кирилла александрійскаго. Но римскіе легаты и нѣкоторые изъ епископовъ протестовали противъ еретическаго толкованія словъ Кирилла и признали онопустымъ и неосновательнымъ. Въ доказательство сего прочтена была вся книга Кириллова показалось, что онъ, говоря о волѣ Іисуса Христа, разумѣлъ свойственную Ему

¹⁾ Въ изложеніи дѣяній шестаго вселенскаго собора мы руководствовались подлинными соборными актами: Concil. general. et provincial. Graeca et Latina T. V. edit. Binnii. Lat. Paris. M. DC. XXXVI, а потому и всѣ рѣчи, приводимыя въ статьѣ нашей, переведены по этому изданію.—pag. 20.

волю по Божеству, но нигдѣ не говорилъ о единой волѣ во Христѣ.

Во второмъ засѣданіи прочитана была первая книга дѣяній четвертаго вселенскаго собора. Когда дошло до того мѣста посланія папы Льва, гдѣ онъ говоритъ объ Иисусѣ Христѣ, что Онъ «словомъ дѣйствовалъ то, что прилично Слову, а плотію то, что прилично плоти: первое блистало чудесами, а вторая подлежала немощамъ» ¹⁾, и когда въ этихъ словахъ православные епископы видѣли ясное указаніе на двѣ воли во Христѣ; то Макарій антиохійскій старался запутать свое ерѣтическое ученіе, увѣряя, что онъ не говоритъ о числѣ, но признаетъ одно богомужнее дѣйствіе.

На третьемъ соборномъ засѣданіи предположено было прочитать дѣянія пятаго вселенскаго собора. Въ кодексѣ этого собора на первомъ мѣстѣ оказалось посланіе Мины архіепископа константинопольскаго къ папѣ Вигилію о томъ, что во Христѣ одна воля. Но подложность этого посланія доказана была ясно тутъ же какъ тѣмъ, что Мина умеръ *за шесть лѣтъ до созванія халкидонскаго собора, такъ и* тѣмъ, что первые четыре листа книги, на которыхъ помѣщалось посланіе, были не нумерованы и счетъ листовъ начинался послѣ этого посланія. Въ актахъ этого собора, въ посланіяхъ якобы Вигилія къ императору Іустиніану и бл. Θεодорѣ Августѣ монофелиты находили подтвержденіе своего лжеученія объ одной волѣ въ Иисусѣ Христѣ; но и эти посланія признаны подложными. Въ остальныхъ дѣяніяхъ пятаго собора еретики не могли найти никакой поддержки своему лжеученію.

Во время четвертаго соборнаго засѣданія, по требованію Георгія константинопольскаго, было читано посланіе Агаѳона

¹⁾ Ibidem. pag. 24.

папы римскаго къ императору. Въ этомъ посланіи, на основаніи яснѣйшихъ мѣстъ священнаго писанія и многочисленныхъ свидѣтельствъ святыхъ отцевъ: Григорія Нисскаго, Іоанна Златоустаго, Кирилла Александрійскаго и другихъ—раскрыто было православное ученіе Церкви о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ. Затѣмъ прочитано было посланіе къ императору же римскаго собора изъ 125 епископовъ, подписанное всѣми ими. Это посланіе служило какъ бы инструкціею для римскихъ легатовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показывало, что легаты присланы на вселенскій соборъ не отъ папы только, а отъ всей римской церкви.

Въ пятомъ и шестомъ засѣданіяхъ монофелиты припуждены были, по обѣщанію своему, представить свидѣтельства изъ святыхъ отцевъ въ свою пользу. Еретики собрали въ двухъ книгахъ разныя свидѣтельства изъ святыхъ отцевъ, которыми думали защитить свое лжеученіе. Но соборъ призналъ, что во 1-хъ, свидѣтельства изъ твореній св. отцевъ были вырваны изъ сочиненій безъ контекста, и во 2-хъ, что они повреждены еретиками, и просилъ императора дозволить сличить ихъ съ древнѣйшими, неповрежденными и несомнѣнными списками твореній св. *отцевъ.*

Въ опроверженіе сборника, составленнаго еретиками, римскіе легаты представили книгу подъ заглавіемъ: свидѣтельства св. отцевъ доказывающія, что въ Иисусѣ Христѣ двѣ воли и два дѣйствія. Книга эта прочитана была въ седмомъ засѣданіи собора.

Сличивши текстъ книги, представленной римскими легатами съ древнѣйшими кодексами патріаршей бібліотеки и нашедши его ни въ чемъ не различествующимъ отъ подлинныхъ свято-отеческихъ твореній, соборъ потребовалъ отъ еретиковъ отвѣта касательно искаженія писаній отеческихъ въ составленномъ ими сборникѣ. Монофелиты, псключая

Стефана ученика Макаріева и самаго Макарія, встали и объявили, что Θεодоръ Милитенскій, который сказалъ, что сборникъ представленный еретиками составленъ ими, солгалъ. »Этотъ сборникъ, сказали они, составленъ и представленъ безъ нашего вѣдома, а мы готовы исповѣдывать православную вѣру«. Тогда св. соборъ и императоръ потребовали, чтобы Макарій объявилъ свое исповѣданіе вѣры, и онъ не обинуясь произнесъ краткое еретическое исповѣданіе вѣры и, въ подтвержденіе его, ссылаясь на авторитетъ пяти вселенскихъ соборовъ, папы Гонорія, константинопольскихъ патріарховъ: Сергія, Павла и Петра и наконецъ осмѣлился сослаться на св. Діонисія, будтобы учившаго о единомъ богумужнемъ дѣйствіи І. Христа. Когда спросили у Макарія, зачѣмъ онъ извратилъ отеческія писанія въ своемъ исповѣданіи, поданномъ императору, то онъ нагло отвѣчалъ: »я уже сказалъ вамъ, что извратилъ ихъ съ намѣреніемъ поддержать свои мнѣнія«¹⁾. Святый соборъ послѣ этого воскликнулъ: »Макарій самъ себя явно признаетъ еретикомъ, Анаѳема новому Діоскору! Да будетъ низверженъ! Злая лѣта новому Аполлинарію! Снять съ него санъ епископскій и омофоръ«²⁾! Съ него сняли епископскія облаченія и поставили на допросъ предъ соборомъ, во время котораго обнаружено было въ какихъ мѣстахъ и что именно испорчено Макаріемъ въ свято-отеческихъ свидѣтельствахъ.

Въ девятомъ засѣданіи призваны были къ допросу единомышленники Макарія. Изъ нихъ одинъ только Стефанъ защищалъ мнѣнія Макарія, а всѣ прочіе признали, что Стефанъ неправо учить. Посему св. соборъ »Стефана еретика, новаго Евтихія, новаго Аполлинарія«, изгналъ изъ собора и опредѣлилъ его и Макарія, какъ уличенныхъ въ извращеніи свято-отеческихъ свидѣтельствъ, какъ держащихся еретическихъ

¹⁾ Ibidem. pag. 105. ²⁾ Ibidem.

миѣній и стремящихся къ развращенію православнаго народа, лишить священнаго сана и воспретить имъ богослуженіе; а тѣхъ епископовъ и клириковъ, которые принесли покаѣніе и предстояли здѣсь предъ соборомъ, и которые признали православное исповѣданіе вѣры, оставить на мѣстахъ, какія они занимаютъ. Затѣмъ, по возглашеніи многолѣтія императору, соборъ требовалъ, чтобы еретики были изгнаны. Покаявшіеся же и прощенные обѣщали подъ клятвою слѣдовать правой вѣрѣ и представить въ соборъ письменное изложеніе оной.

Въ десятомъ засѣданіи были прочитаны сначала многочисленныя свидѣтельства св. отцевъ восточныхъ и западныхъ о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ, собранныя въ одну книгу, а затѣмъ для уясненія истины и обличенія моноеллскаго нечестія прочитаны были отрывки изъ сочиненій еретиковъ, признававшихъ во Христѣ одну волю и одно дѣйствіе. По выслушаніи свидѣтельствъ свято-отеческихъ и еретическихъ, императоръ потребовалъ, чтобы покаявшіеся епископы и клирики, согласно обѣщанію своему, представили письменное исповѣданіе вѣры. И они представили одинаковыя рукописи, заключающія исповѣданіе вѣры, согласное съ ученіемъ православной Церкви о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ. Въ заключеніе сего засѣданія іеромонахъ Георгій просилъ о прочтеніи соборнаго посланія блаженной памяти Софронія патріарха іерусалимскаго, которое было имъ послано Сергію патріарху константинопольскому, но не было имъ принято. Чтеніе и обсужденіе этого посланія отложено до слѣдующаго засѣданія.

И дѣйствительно въ одиннадцатомъ засѣданіи прочтано было упомянутое посланіе Софронія къ Сергію и признано православнымъ. Императоръ спросилъ римскихъ легатовъ, не желаютъ ли они и еще что либо изслѣдовать? Легаты заявили, что имъ желательно было бы, чтобы были

прочитаны подлинныя сочиненія Макарія и Стефана, хранящіяся въ патриаршей бібліотекѣ, дабы узнать, что въ нихъ содержится. Принесли двѣ книжки и тетрадь. Надписаніе первой было такое: »Рѣчь благочестивѣйшему и миролюбивѣйшему великому императору Константину, произнесенная Макаріемъ, епископомъ есопольскимъ (антіохійскимъ)«. Доказано было, что Макарій не могъ говорить рѣчи предъ Константиномъ. Другая книга подписывалась такъ: »Слово, писанное Макаріемъ архіепископомъ есопольскимъ къ африканскому іеромонаху Лукѣ, который писалъ о новой максиміановой ереси«. Святые отцы, замѣтивъ въ этомъ сочиненіи софистическое построеніе мыслей, совершенно противныхъ ученію пяти вселенскихъ соборовъ и святыхъ отцевъ, которые никогда не допускали ничего подобнаго, прервали чтеніе этого сочиненія и велѣли читать остальное, заключавшееся въ тетради. Выслушавши начало онаго, св. отцы признали и это сочиненіе не только пустымъ, но и вреднымъ для слушателей, и потому, предавъ оно е анаемѣ, повелѣли прекратить чтеніе, и потребовали наконецъ, чтобы сочиненія Макарія были сличены съ сочиненіями еретиковъ: Фемистія, Аполлинарія и Аноима. Сличеніе обнаружило совершенное согласіе Макаріевыхъ мнѣній съ еретическими и послужило къ совершенной увѣренности въ неправомысліи Макарія.

По окончаніи 12-го засѣданія императоръ сказалъ собору: »такъ какъ я занятъ дѣлами общественными, то повелѣваю славнѣйшимъ патриціямъ Константину и Анастасію и славнѣйшимъ ексеконсуламъ Полиевкту и Петру присутствовать отъ моего имени въ семъ святомъ соборѣ при дальнѣйшихъ его засѣданіяхъ, потому что важнѣйшіе пункты настоящаго дѣла достаточно изслѣдованы предъ лицомъ нашего благочестія «). *К. Думитрашковъ.*

(Продолженіе будетъ).

1) Ibidem. pag. 190.

СОВРЕМЕННО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ И ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

Волнующаяся безпокойная современность, неустойчивое движеніе общественной и политической мысли, безконечная путаница интересовъ жизни претендуютъ на вторженіе въ область церковной каѳедры, откуда насъ научили говорить и приучили слышать доселѣ всегда спокойную, неизмѣнную, вѣрную самой себѣ и возвышающуюся надъ современностію и всякими интересами жизни святую истину вѣры и благочестія христіанскаго. Водоворотъ современной жизни, захватившій въ себя и употребляющій въ свое оружіе всю умственную дѣятельность такъ называемаго образованнаго человѣчества, хочетъ увлечь въ общій потокъ мнущейся дѣйствительности и религіозно-церковную жизнь съ ея орудіями и средствами. Изъ церковной каѳедры нѣкоторые желали бы сдѣлать общественную трибуну, изъ церковныхъ проповѣдниковъ политическихъ и общественныхъ ораторовъ, изъ проповѣдническаго слова, пастырской бесѣды и поученія—публицистическую газетную статью, политическій памфлетъ, соціальный трактатъ. »Вотъ бы и слушали васъ, говорятъ нашимъ проповѣдникамъ, если бы вы не обходили своимъ умысленнымъ молчаніемъ въ своихъ проповѣдяхъ жизненныхъ вопросовъ, которыми въ данную минуту занять и старъ и младъ, если бы вы не избѣгали »злобы дня«, если бы »хлѣбъ насущный« подавался изъ вашихъ рукъ не въ видѣ нарисованнаго только хлѣба, а питалъ бы дѣйствительно каждаго въ данное время... Полагаемъ, что, видѣ метафоръ, это значитъ то, чтобы проповѣдникъ церковный, слѣдуя теченію современной жизни, и самъ уносился вмѣстѣ съ нею, чтобы въ то время, когда, напримѣръ прихожане его заняты отбываніемъ рекрутчины, сборомъ подушнаго оклада, когда горюютъ отъ неурожая, толкуютъ о тяжести

круговой поруки, недостаточности земельнаго надѣла, несправедливости волостнаго суда, близости войны и т. п., — чтобы на все это отзывался проповѣдникъ съ церковной кафедрѣ. Что же, не присоединить ли сюда заурядъ и того требованія, чтобы на церковной кафедрѣ дѣлаемъ былъ и критическій разборъ разныхъ журнальных и газетныхъ статей?... (Нѣчто подобное, дѣйствительно, и заявлялось въ какой-то газетѣ по поводу одной безнравственной публікаціи). Можно бы также, смотря на дѣло съ той же точки зрѣнія, допустить, наконецъ, на церковной кафедрѣ и театральныя рецензіи особенно тѣхъ *современныхъ* пьесъ, которыя больше всего въ ходу и въ которыхъ выражаются интересы современнаго общества. Отчего, скажетъ иной, и не произнести въ самомъ дѣлѣ громовой проповѣди хоть бы и противъ обошедшей всѣ наши губернскіе города оперетки «Елена Прекрасная», въ которой, между прочимъ, подъ народіей на языческихъ жрецовъ, всякій видитъ сатиру на современныхъ христіанскихъ священниковъ?

Исторія церковнаго проповѣдничества, какъ русскаго, такъ и иностраннаго, знаетъ нѣсколько примѣровъ такихъ проповѣдниковъ, которые въ своихъ проповѣдяхъ прямо и непосредственно трактуютъ о современныхъ имъ вопросахъ общественной и политической жизни. Съ интересомъ останавливается на нихъ ученый изслѣдователь протекшей жизни; въ произведеніяхъ такихъ проповѣдниковъ онъ видитъ внутреннюю лѣтписъ вѣка и созерцаетъ въ ней, какъ въ зеркалѣ, отраженіе протекшей жизни. Но гораздо больше представляетъ исторія такихъ проповѣдниковъ, которые только посредственно касались современныхъ вопросовъ жизни и главнымъ образомъ говорили о предметахъ вѣры и нравственности. Правоописатель протекшей жизни въ проповѣдяхъ и этого рода не мало находитъ для себя намековъ для возсозданія въ своемъ представленіи общественныхъ нравовъ

прошедшихъ время. Безусловно же наибольшее число такихъ проповѣдей хранить исторія проповѣдничества, въ которыхъ безотносительно къ обстоятельствамъ времени излагается вѣроученіе и правоученіе христіанское. Проповѣди этого рода безъ осбениаго неудобства могутъ быть произпосмы во всякое время и у всякаго народа. Составит ли ихъ очевидно были выше своей современности, не увлекались ею, а стояли на незыблемой почвѣ вѣры и дѣятельности христіанской, утверждая на этой почвѣ и своихъ слушателей. Поучительно для современныхъ пастырей-проповѣдниковъ видѣть въ многовѣковой исторіи проповѣдничества всегда господствующимъ и исключительно преобладающимъ, такъ сказать, *евангельскій* и *апостольскій* духъ проповѣди. Христіанскіе проповѣдники, подражая Господу Спасителю и Апостоламъ, всегда помнили, что они призваны не для анализа современности, но чтобы сѣять сѣмя истины въ сердцахъ вѣрующихъ. Стоя на высотѣ христіанскаго познания, они старались возвысить къ себѣ и свою паству, и не пускались въ водоворотъ современности и обыденной дѣятельности, увлекающей собою массу трудового общества. Нельзя ихъ упрекать въ недостаткѣ патріотизма за то, что они чуждаются, по видимому, всего не относящагося непосредственно къ религіи, и не касаются того, что прямо относилось ко благу и интересамъ общества, среди котораго они жили. Для нихъ ясно было на примѣрѣ Іліа и Финесса, чѣмъ пастырь можетъ вредить своему отечеству и способствовать его благосостоянію. Они взывали въ своихъ проповѣдяхъ вообще противъ грѣховъ, зная, что потворство Іліа грѣхамъ своихъ сыновей и народа подчинило евреевъ иноплемениному игу; они крѣпко ратовали и исгодовали противъ грѣховъ, зная, что ревность Финесса противъ грѣховъ израиля отвратила Божій гнѣвъ отъ израиля...

Нѣтъ, кажется, необходимости и современнымъ про-

повѣдникамъ, въ виду этого, бесѣдовать о предметахъ не подлежащихъ непосредственно церковно-религіозному созерцанію. Каждому—свое; всему должно быть свое мѣсто и свое время. Область церковно-религіозныхъ предметовъ ясно очерчена въ сознаніи каждаго богослова и даже простаго христіанина, и выступать изъ нея проповѣдникъ не всегда можетъ не наказанно. Если бы эта область была и не столь широка; если бы проповѣднику и была даже возможность въ болѣе или менѣе короткій или долгій періодъ пройти всю эту область съ проповѣдническимъ своимъ словомъ: то и въ такомъ случаѣ вторгаться проповѣднику въ чужую область—соціальную и политическую не слѣдовало бы, первѣе всего потому, что онъ тутъ не компетентный человѣкъ. Въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ есть и общественныя (въ спеціальному значеніи этого слова), есть и политическія, равно какъ и церковно-религіозныя дѣятели. Пусть же каждый и дѣйствуетъ въ указанной ему сферѣ. Православно-христіанское воззрѣніе на строй человѣческихъ обществъ, признавая необходимымъ цѣлостное взаимоотношеніе какъ духовной, внутренней, такъ и матеріальной, внѣшней жизни человѣка, тѣмъ не менѣе разграничиваетъ сферы по ихъ преобладающему характеру и указываетъ поэтому одни сферы чисто духовнаго свойства, а другія по преимуществу не духовнаго, такъ сказать, земнаго, человѣческаго свойства. Католическое міровоззрѣніе, смѣшивающее все это въ одно представленіе, для насъ не указъ. Католическія проповѣдники могутъ, пожалуй, говорить съ церковныхъ кафедръ о политической экономіи, какъ и проповѣдывалъ раіе Гіацинтъ,—могутъ проповѣдывать, какъ и проповѣдуютъ, о монархическомъ, конституціонномъ и республиканскомъ образѣ правленія, о социализмѣ, демократизмѣ, коммунизмѣ и тому подобныхъ не церковныхъ предметахъ: это все въ характерѣ католичества, не отдѣляющаго духовнаго и свѣт-

скаго элемента въ жизни. Совѣтъ не то въ православной Церкви, гдѣ оба эти элемента разграничиваются законнымъ образомъ, гдѣ не позволяется смѣшивать духовное и свѣтское. Были, правда, случаи, когда и православные проповѣдники говорили съ церковныхъ кафедръ о не церковныхъ предметахъ, какъ напримѣръ нѣкоторые проповѣдники наши 18 вѣка; но это уже не было нормальнымъ явленіемъ и зависѣло отъ особенныхъ, исключительныхъ въ то время отношеній Церкви къ государству... Измѣнились эти отношенія, и проповѣдь возвратилась къ своимъ естественнымъ, прямымъ темамъ.

Проповѣдь, какъ слово Божіе въ устахъ проповѣдника, должна имѣть авторитетъ непогрѣшимости въ своихъ сужденіяхъ, положеніяхъ и выводахъ; предметы проповѣди, по-этому, должны быть также характера, не допускающаго измѣчивости и неустойчивости, смотря по времени и мѣстнымъ обстоятельствамъ. Но обладаютъ ли такимъ свойствомъ предметы общественной и политической жизни? Не только эпоха извѣстная, но и небольшой періодъ времени, по своимъ политическимъ и общественнымъ взглядамъ, рѣзко отличаются другъ отъ друга. Теченіе и развитіе жизни приноситъ со временемъ все новые элементы, неизвѣстные прежде, или существовавшіе прежде въ другомъ видѣ; и общественные и политическіе дѣятели естественно со временемъ должны измѣнить свои взгляды, свои убѣжденія. Что прежде считалось необходимымъ признавать за нормальное явленіе, то самое, спустя немного времени, вынуждаются жизнью и обстоятельствами признать великою аномаліей; что прежде преслѣдовалось какъ незаконное, то самое въ другое время представляется на видъ всѣмъ, какъ единственно законное. Вообразимъ же себѣ, что стало бы съ церковною проповѣдію, если бы проповѣдники взяли съ церковною кафедръ о предметахъ жизни та-

кого измѣчиваго, неустойчиваго характера. Божественное откровеніе не представляетъ собою кодекса взглядовъ и правилъ, опредѣляющихъ до подробностей вѣрелігіозныя отношенія людей; значить проповѣднику остается самому придумывать взгляды и правила на тотъ или другой случай, возбужденный теченіемъ жизни; значить проповѣдь становится совершенно заурядною человѣческою рѣчью, исполненною возможныхъ ошибокъ и заблужденій. Такъ и было дѣйствительно съ тѣми проповѣдниками, которые вызываемы были иногда собственнымъ желаніемъ, а иногда и стороннею властію говорить съ церковной кафедры, напримѣръ о флотѣ, о пользѣ путешествій въ чужія страны и т. п. Подобнаго рода проповѣди, особенно не печатныя, далеко не всегда могутъ быть признаны словомъ церковнымъ, выражающимъ собою духъ Церкви и религіи, а тѣмъ еще менѣе словомъ Божіимъ. Проповѣдникъ одно время превозноситъ похвалами извѣстное общественное устройство, дѣлая санкцію его фактическому существованію; но вотъ рушилось это устройство и вмѣсто него основалось другое съ другими началами и свойствами; отъ проповѣдника потребуютъ и теперь высказать свой взглядъ на совершившійся фактъ; что же, останется онъ при прежнихъ своихъ взглядахъ, или поспѣшить завестись новыми? Въ томъ и другомъ случаѣ онъ является не церковнымъ проповѣдникомъ, а человѣкомъ извѣстной общественной партіи, или просто человѣкомъ увлекаемымъ общимъ теченіемъ жизни и приспособляющимся только къ такому теченію, что во всякомъ случаѣ недостойно органа слова Божія, каковымъ долженъ быть всякій церковный проповѣдникъ. Вѣчная тождественность религіозныхъ человѣческихъ потребностей и такая же тождественность удовлетворенія этихъ потребностямъ, указываемаго въ словѣ Божіемъ; постоянная измѣчивость и неустойчивость всего *современнаго* и отсутствіе предназначенной нормы для об-

сужденія современныхъ общественныхъ и политическихъ явленій и предметовъ, при отсутствіи даже положительныхъ началъ политической и общественной жизни, еще не выработанныхъ наукой: вотъ противоположныя области, которыя хотятъ соединять въ представленіи объ идеальномъ проповѣдникѣ! Нѣтъ, если хотимъ, чтобы церковная проповѣдь была именно тѣмъ, чѣмъ она должна быть, именно просвѣщала людей вѣрою и очищала внутреннее, нравственное состояніе человека; то мы не должны допускать въ ней сужденій, положеній и выводовъ, отъ которыхъ мы должны были бы съ теченіемъ времени отказаться и которыя намъ пришлось бы почему либо замѣнить другими воззрѣніями, что неизбежно будетъ, когда въ проповѣдяхъ начнутъ трактовать о предметахъ вѣщцерочныхъ. Проповѣдь—сила чисто религіозная и церковный проповѣдникъ—не политическій ораторъ. Давать въ проповѣди политическіе и общественные совѣты слушателямъ, выходя за предѣлы общихъ нравственныхъ отношеній,—значило бы вступать на опасный путь, на которомъ неизбежна борьба, непосильная проповѣднику съ его духовнымъ оружіемъ. Единство духа проповѣди, не раздѣляемое на разные оттѣнки партій, не смотря на безчисленное множество церковныхъ проповѣдниковъ, неизбежно должно нарушиться и образовать *раздѣленія* и партій политическія и общественныя, если бы проповѣдники, увлекшись заманчивою перспективою быть современными, стали и на церковной кафедрѣ разсматривать и рѣшать, хоть бы даже и основательно съ общей религіозно-нравственной точки зрѣнія текущіе политико-общественные вопросы. Какъ служитель алтаря, священникъ и въ проповѣди ничего не долженъ привносить въ храмъ чуждаго алтарю, и онъ не исполняетъ при этомъ вполнѣ законно свой долгъ, когда не перестаетъ сообщать своимъ братьямъ по вѣрѣ и чадамъ по служенію ясное слово, направленное къ раскрытію таинъ

вѣры и благочестія и своимъ руководствомъ, не отступающимъ отъ почвы вѣры и нравственности, помогать имъ идти по пути ко спасенію. Прямое назидательное слово—вотъ дѣло проповѣдника въ церкви при богослуженіи!

Но обязанность проповѣдника не ограничивается однимъ церковно-богослужебнымъ проповѣданіемъ. Онъ обязанъ проповѣдывать не въ одни только богослужебныя времена. Въ самой же церкви, не въ урочное для богослуженія время, постырь—проповѣдникъ имѣетъ нужду созывать иногда къ своей проповѣди свою паству, какъ это и дѣлается въ пѣ-которыхъ приходяхъ и церквахъ, особенно въ Москвѣ: въ церкви, при различныхъ сношеніяхъ съ паствою и отдѣльными членами паствы, онъ также вызывается постоянно къ проповѣди, условливаемой временами, мѣстами и лицами слушающими. Здѣсь, по необходимости разнообразнаго примѣненія проповѣди, неизбежно бываетъ такое или иное соприкосновеніе проповѣдническаго слова и съ текущими житейскими вопросами какъ общественной, такъ и политической жизни. Здѣсь въ устахъ проповѣдника можетъ быть слово какъ для тѣхъ «взыскательныхъ слушателей, которые желали бы услышать не одно простое наставленіе, хотя и послѣдовательно выводимое изъ нравственныхъ началъ и знакомства съ духовной литературой, и которые ищутъ и находятъ окончательное рѣшеніе возникающихъ въ нихъ требованій мысли въ историческомъ процессѣ евангельскихъ истинъ»; такъ и для тѣхъ, которые желали бы знать и имѣть религіозное сужденіе на тотъ или другой частный вопросъ или явленіе общественной и политической жизни. Священное слово священнослужителя—проповѣдника, произносимое среди священныхъ пѣсней, молитвъ и богослужебныхъ дѣйствій, не теряя своего религіознаго и духовнаго характера, въ устахъ священника—проповѣдника становится *пастырской бесѣдой*, принимая характеръ то ученаго изслѣ-

дованія, то полемическаго и апологетическаго обсужденія, смотря по надобности. Нельзя при этомъ поручиться, чтобы при такой бесѣдѣ съ прихожанами, назовемъ ли ее, какъ того хотятъ нѣкоторые, профессорскою лекціей, пастырь передавалъ непогрѣшимо вѣрныя сужденія и взгляды: погрѣшности его и ошибки въ этомъ случаѣ и неизбѣжны и простительны. Но ни одинъ здравомыслящій человекъ не допуститъ предположенія, чтобы съ церковной кафедры произносилось что-либо ошибочное. А нужно бы желать, чтобы изъ устъ пастыря выходили вѣрныя и непогрѣшимыя сужденія, не только когда онъ проповѣдуетъ слово Божіе во время богослуженія, а и при разныхъ другихъ обстоятельствахъ своей пастырской жизни; но для этого-то и нужно устранять себя отъ сужденій о такихъ предметахъ, о которыхъ нельзя сказать безспорнаго сужденія. Пастырскій авторитетъ требуетъ этого. Настоячивое желаніе нѣкоторыхъ прихожанъ слышать отъ своего священника рѣшительное сужденіе о томъ или другомъ вопросѣ безъ затрудненія особеннаго могло бы быть удовлетворяемо общими сужденіями изъ среды религіозныхъ представленій въ примѣненіи ихъ къ болѣе благонамѣреннымъ сужденіямъ общественной и политической литературы, или просто сужденіями извѣстныхъ авторитетныхъ личностей, или же, наконецъ, откровеннымъ признаніемъ, что на тотъ предметъ, о которомъ желается сужденіе пастыря, еще не установилось безспорное понятіе и что со стороны пастыря предрѣшать разные общественные и политическіе вопросы было бы дѣломъ, не подлежащимъ его области дѣлъ и отношеній. Не укоръ и не осужденіе пастырю, если частныя бесѣды его съ прихожанами не будутъ имѣть газетнаго характера передовыхъ статей, и если общественныя его проповѣди не будутъ служить лѣтописью вѣка. Но пастырь не исполнитъ своей проповѣднической обязанности, когда забудетъ обращенное къ нему наставле-

ніе: «кричи громко, не переставай! Какъ труба, возвысь голосъ свой, и возвѣсти народу моему *вину* его, и дому Іакова *грѣхи* его» (Ис. 58, 1).

Х: О

СТАРЫЕ ОБЫЧАИ И НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ.

Вѣкъ прогресса, нашъ вѣкъ, не все пріобрѣтаетъ и обогащается, не во всемъ совершенствуется. Съ пріобрѣтеніемъ одного какъ разъ обнаружится утрата чего другаго, съ обогащеніемъ однимъ сильно почувствуется лишеніе чего другаго и съ совершенствованіемъ въ одномъ тѣмъ очевидноѣ представится равнодушное отношеніе къ улучшенію многого другаго. Конечно, такое явленіе общественнаго прогресса не есть естественное, такъ сказать, неизбѣжное послѣдствіе движенія впередъ; впрочемъ, при слишкомъ уже снѣжномъ движеніи, очень естественно растерять многое изъ достоянія прежняго времени и прежней жизни. Еще естественнѣе такая растрата, когда не вполне понимаютъ, не особенно цѣнятъ то, что имѣли, чѣмъ владѣли и чѣмъ жертвуютъ безъ особеннаго сожалѣнія въ надеждѣ новыхъ пріобрѣтеній.

Такъ, что случается съ легкомысленнымъ человѣкомъ, поспѣшно увлекаемымъ желаніемъ все впередъ и впередъ, когда, гоняясь за чѣмъ-либо приманчивымъ новымъ, онъ бросаетъ за собою старое-и-годное, и дорогое, да уже старое; то случается съ движеніемъ въ духовномъ отношеніи и цѣлыхъ обществъ, когда, увлекаясь приманками всякаго рода матеріальныхъ улучшеній и еще болѣе кажущейся привлекательностію новыхъ воззрѣній на жизнь, они бросаютъ безъ разбора все старое-и-полное богатаго содержанія, и годное для многовѣковаго сущестованія, и дорогое по своимъ отношеніямъ къ духу жизни, но старое, и потому уже какъ будто лишнее и несовмѣстимое съ новыми требованіями.

Правда, никто не станетъ жалѣть объ уничтоженіи такихъ старыхъ формъ, которыя, дѣйствительно, своею безсодержательностію подавляютъ духъ, усиливаясь высвободиться отъ нихъ. По достойно глубокаго сожалѣнія, если, освобождаясь отъ такого бремени, если, сокрушая именно устарѣлыя, негодныя формы, человѣкъ налагаетъ руку и на такія формы, которыя какъ-бы созданы не только украшать его жизнь, но даже охранять, направлять и высоко возносить ее. А развѣ щадить и такія дорогія охрану и украшеніе духъ времени, заявившій себя столь враждебнымъ ко всякаго рода формамъ, лишь только онѣ служатъ выраженіемъ старыхъ воззрѣній, лишь только отъ нихъ вѣетъ патріархальностью отношеній, и крѣпки онѣ своимъ союзомъ съ стариною и преданіемъ? Несомнѣнно, что новыя условія общественной жизни во многомъ не удовлетворятся постановкою отношеній, возникшихъ въ патріархальномъ состояніи общества, и новый духъ, вѣющій въ общественной жизни, пожалуй, не мало и безъ нужды стѣснится старыми формами, которыя были годны для своего времени. Всѣ такія стѣснительныя формы главнымъ образомъ и относятся ко временному состоянію общественной жизни и съ измѣненіями, протѣкающими въ ней, и сами должны уступить мѣсто новымъ условіямъ жизни. Но въ числѣ формъ, нынѣ пренебрегаемыхъ и признаваемыхъ бременемъ, есть и такія формы, которымъ суждено служить символами высокихъ истинъ и представлять ихъ человѣческому сознанію и чувству чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ. Таковы формы православно-церковной практики, имѣющія соприкосновеніе съ общественною жизнью. Таковы формы и церковно-народной жизни, полныя глубокаго содержанія выразители взгляда христіанской старины. На нѣкоторыя изъ этихъ прекрасныхъ формъ, въ сожалѣнію, теперь уже почти непонимаемыхъ и со-

храняемыхъ безсознательно ¹⁾, мы указывали въ статьѣ: «Впечатлѣнія пасхальнаго богослуженія» ²⁾. Укажемъ здѣсь еще на нѣкоторые обычаи изъ сферы церковно-общественной, въ которыхъ выразилось міросозерцаніе того времени, когда семейно-родовая жизнь народа, руководимая человѣчно-міровымъ началомъ Церкви, въ скромной патріархальной средѣ устанавливала человѣчныя отношенія.

Къ такимъ обычаямъ несомнѣнно патріархальнаго происхожденія относится семейно-обычная сторона крещенія младенцевъ.

Извѣстно, что по обычаю неписанному, но еще и до сихъ поръ соблюдаемому, «крестный отецъ», кромѣ покупки крестика для возложенія при крещеніи, принимаетъ на себя вознагражденіе церковнаго причта за трудъ при совершеніи таинства; ровно и «крестная мать» обычаемъ обязывается сплести рубашечку для младенца и дарить матерн «на зубокъ»; въ семействахъ простаго народа даже присутствующіе при крещеніи, приглашенные родные и знакомые, привлекаются къ участію въ вознагражденіи бабки, которая при угощеніи разноситъ вино и тутъ-же, на подносѣ, собираетъ, что кто дастъ. Не трудно объяснить происхожденіе этого теперь страннаго обычая, и тогда обнаружится глубокая мысль,

¹⁾ Не понимаемыхъ опять, къ сожалѣнію, потому, что пастыри народа почти не избираютъ для своихъ поученій, предлагаемыхъ народу, обычаевъ церковно-народной жизни, въ которыхъ-то наиболѣе и обнаруживается общеніе народной мысли съ церковнымъ ученіемъ и чрезъ уясненіе которыхъ, поэтому, всего вѣрнѣе можно было бы проводить христіанскія истины въ сознаніе народа. Въ сколькихъ случаяхъ поученія подобнаго рода были бы плодотвориѣ проповѣдей, переполненныхъ текстами, набацанными по привычкѣ, часто безъ особенной надобности и безъ всякаго отношенія къ обстоятельствамъ жизни слушателей!

²⁾ Руков. для сел. паст. 1863 г. № 18.

которая лежитъ въ основѣ матеріальнаго участія, требуемаго обычаемъ. Въ этомъ участіи постороннихъ семьѣ лица нельзя не видѣть выраженія того общаго интереса, какой въ родѣ возбуждаетъ рожденіе новаго члена, выраженія радости рода, «яко родися человекъ въ міръ», и желанія облегчить по силамъ тягости родителей въ воспитаніи новаго человека, которыя начинаются уже съ первыхъ дней его жизни. Этимъ же объясняется и то, отчего «крестины» сопровождаются семейнымъ праздникомъ. Родъ оказываетъ посильную помощь родителямъ, онъ же и празднуетъ съ семьей, принявшею въ себя новаго члена. Праздникъ и участіе рода въ первыхъ заботахъ родителей о младенцѣ какъ нельзя болѣе совпадаютъ съ радостью Церкви о своемъ новомъ чадѣ и сопаслѣдникѣ обѣтованій жизни и благъ неба. Члены рода—члены и Церкви, и оттого указанный обычай тѣмъ сильнѣе правился въ христіанскомъ патріархальномъ быту; матеріальное участіе служило въ этомъ случаѣ выраженіемъ духовнаго участія членовъ Церкви, побуждаемыхъ братскою любовью раздѣлять заботы семьи о новомъ членѣ.

Пользуясь такими человѣчными отношеніями, члены патріархальнаго общества, при всей простотѣ жизни, не были чужды въ нѣкоторой степени и расчетливыхъ соображеній. Видные по общественному положенію люди гордились оказываемымъ имъ почетомъ и не прочь были въ тѣсномъ кругу общины покровительствовать ей членамъ, менѣе почетнымъ и особенно бѣднымъ. Къ нимъ—то всего чаще и обращались съ просьбою сдѣлать честь семьѣ—быть крестнымъ отцемъ или крестною матерью. Покумиться съ виднымъ лицомъ въ общинѣ родители считали выгоднымъ и для себя, и еще болѣе выгоднымъ для своего дитяти, которому званіе «крестника» или «крестницы» давало преимущественное право на вниманіе и покровительство людей

съ почетомъ. Такъ лица подчиненныя просили своихъ начальниковъ, служащіе своихъ господъ, бѣдные богатыхъ воспринимать дѣтей. Охотно принимая приглашеніе, почетныя лица считали бы для себя унизительнымъ не принять матеріальнаго участія въ расходахъ семьи, болѣе щедраго, чѣмъ это возможно для другихъ членовъ общины. Что въ началѣ такъ и было, можно убѣдиться изъ того, что и до настоящаго времени обычай приглашать въ крестные отцы и матери лицъ вліятельныхъ—начальниковъ, помѣщиковъ, знакомыхъ съ значеніемъ—въ полной силѣ въ нѣкоторыхъ средахъ народныхъ. Но гдѣ въ извѣстной средѣ и не выдаются какіе либо ея члены съ покровительственнымъ значеніемъ, все таки восприемники—отецъ и мать, а также и другіе изъ родныхъ и знакомыхъ, по мѣрѣ своихъ средствъ, по обычаю, принимаютъ участіе въ расходахъ по «крестинамъ».

Все это было такъ хорошо, такъ просто, естественно и сердечно при тѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, какія представлялъ патріархальный бытъ для такого участія членовъ рода въ жизни отдѣльныхъ семействъ. Но то ли теперь, при значительно измѣнившихся условіяхъ общественной жизни? Добрый обычай этотъ, возникшій на почвѣ патріархальнаго быта, когда такъ сильно было чувство общенія членовъ рода и семьи, когда царствовала простота отношеній, теперь, съ ослабленіемъ непосредственнаго чувства общенія между людьми на почвѣ рода, съ замѣною этого чувства въ значительной степени холоднымъ расчетомъ, и, что главное и всего прискорбнѣе, съ ослабленіемъ нравственныхъ связей, соединяющихъ общество съ Церковью, потерялъ свое прекрасное значеніе выразителя общаго соучастія въ заботахъ семьи. Еще крестные отецъ и мать и платятъ, и дарятъ; но это уже дѣлается такъ, по заведенному обычаю, и иногда не безъ чувства тягости, пожалуй, даже

извинительнаго для людей, жизненные средства которыхъ достаются уже тяжелымъ трудомъ и едва хватаютъ для существованія собственной семьи. А не понимаемый современнымъ сознаниемъ, обычай этотъ уже положительно сталъ тяжестью даже для лицъ и съ средствами, да утратившими святое чувство человѣчности и соучастія ближнимъ по закону христіанской любви. Многимъ недостаточнымъ людямъ теперь иногда трудно найти воспріемниковъ для своего новорожденнаго младенца, особенно въ незнакомой средѣ: приходится упрасивать, унижаться. Церковное значеніе воспріемника отъ этого сильно страдаетъ, такъ что для самой Церкви въ настоящее время наслѣдіе вѣрной ея идеи патріархальности становится не совсѣмъ-то полезнымъ.

Вотъ разладъ обычая и жизни, которая, къ сожалѣнію, уже отказывается ему въ его разумномъ, прекрасномъ значеніи! Таково современное положеніе и не одного обычая, возникшаго въ патріархальномъ состояніи общественной жизни, тѣсно связаннаго съ нею, получившаго въ ней, въ ея чувствахъ и идеяхъ, свою силу и жизнь, и теперь-оказывающагося пустою фирмою, безсодержательнымъ дѣйствіемъ, потому только, что жизнь людей уже иная, что съ пріобрѣтеніемъ многого новаго они утратили и многое старое-дѣльное, и главное, это непосредственное чувство общенія, искренности, поддались обособляющему дѣйствію эгоизма и, гордясь своимъ развитіемъ и цивилизаціею предъ грубой простотой старины, почти не замѣчаютъ, что ихъ духовный кругозоръ чуть ли не суживается въ той мѣрѣ, въ какой расширяется ихъ неуваженіе ко многимъ почтеннымъ обычаямъ стараго, нецивилизованнаго общества, въ жизни котораго развивающею силою являлась только православная Церковь съ своимъ высокимъ пониманіемъ истинной человѣчности.

Эгоистическая обособленность вытѣсняетъ въ наше время обычаи, возникшіе на широкихъ основаніяхъ патріархальнаго общенія, а съ ними поддаются съуживающему началу личности и многообъемлющія чувства и идеи, чуднымъ воплощеніемъ которыхъ были нѣкогда патріархальные обычаи. Укажемъ хоть на почтенный обычай праздновать день именинъ и привѣтствовать именинника. Глубокая древность и всеобщность этого обычая въ православной Церкви—лучшіе свидѣтели того многознаменательнаго значенія, который носитъ въ себѣ этотъ праздникъ христіанскаго семейства. Если въ вышеуказанной семейно-обычной сторонѣ крестинъ замѣтно сказались близкія отношенія членовъ рода, еще болѣе скрѣпленные идеею христіанскаго братства, располагающею людей къ взаимному участію и услугамъ; то въ этомъ священномъ обычаѣ обпаруживаются чисто духовныя отношенія членовъ христіанскаго общества, бытовой жизни котораго Церковь завѣщала выражать такимъ прекраснымъ взаимообщеніемъ святую идею великаго всемірнаго братства. Въ самомъ дѣлѣ, откуда этотъ обычай праздновать день, посвященный памяти нашего св. покровителя? Какое значеніе имѣютъ эти привѣтствія «съ днемъ ангела», которыя составляютъ существенную часть участія въ семейномъ праздникѣ извѣстнаго лица? Мы имѣемъ обыкновеніе поздравлять своихъ друзей съ какимъ-либо счастливымъ обстоятельствомъ въ ихъ жизни: удача въ предпріятіи, отличія и награды, счастливая перемѣна въ жизни, избавленіе отъ грозившей опасности—все это вырываетъ изъ устъ нашихъ привѣтствія, которыя служатъ выраженіемъ нашей радости и нашего участія въ судьбѣ близкихъ людей. Что же выражаютъ наши привѣтствія, обращенныя къ имени, и только къ имени, близкаго намъ человека въ день его именинъ? Для христіанскаго чувства они выражаютъ очень и очень многое. Въ жизни каждаго изъ насъ было время,

быть может, очень короткое, когда мы не носили на себѣ никакого имени. Св. Церковь нарекла насъ имя, и нареченіемъ имени начала наше возрожденіе къ благодатной жизни. »Господи, Боже нашъ! Тебѣ молимся и Тебе просимъ: да знаменается свѣтъ лица Твоего на рабѣ Твоемъ и да знаменается крестъ Единороднаго Сына Твоего и въ сердцѣ, и въ помышленіяхъ его! И даждь, Господи, неотреченну пребыти имени Твоему святому на немъ, да, по заповѣдемъ Твоимъ жителъствовавъ и сохранивъ печать нерушиму, получить блаженство избранныхъ въ царствіи Твоемъ«! Это была первая молитва Церкви о каждомъ изъ насъ; впервые тогда надъ главою нашею призывала она благодать Божию, и наше земное существо впервые принимало благословеніе неба! Съ такими священными воспоминаніями соединяется для насъ тотъ моментъ, когда каждого изъ насъ стали называть Николаемъ, Александромъ, Вѣрою, Алексѣемъ и пр.... Вмеѣстѣ съ именемъ, мы получили покровителя на небѣ и молитвенника за себя предъ Богомъ. Имя стало выражать для насъ и для другихъ наше общеніе съ небесною Церковію. Св. имя, прежде всего, стало означать насъ, какъ призванныхъ Богомъ на дѣла свѣта, любви и чистоты, запечатлѣнные въ памяти христіанскаго человѣчества священными именами подвижниковъ Христовой вѣры. День именинъ, поэтому, есть истинно радостный праздникъ для каждого изъ насъ, празднованіе нашего личнаго единенія съ невидимою Церковію, уже причастицею обѣтованій жизни. Въ этотъ день православный христіанинъ празднуетъ союзъ любви съ своимъ св. покровителемъ, имя котораго носить, братскою любовью и молитвамъ котораго себя поручаетъ, любовью и вѣрою котораго назидается, надеждою котораго самъ побуждается стремиться къ той же цѣли, какую имѣла въ виду жизнь его св. покровителя. И какой глубокой смыслъ имѣютъ эти братскія

привѣтствія »съ дномъ ангела!«, которыя мы слышимъ въ этотъ священный день отъ родныхъ, знакомыхъ, близкихъ намъ людей! Это любви исполненное сорадованіе братьевъ-христіанъ нашей неземной радости, нашему счастью-быть причастниками царствія Божія; это радостный раздѣлъ братьями нашихъ свѣтлыхъ надеждъ и унованій небесной жизни; это дорогія для вѣрующей души свидѣтельства истинныя внутренней вѣры, словомъ, это истинный праздникъ христіанскаго братства, царства вѣчной любви.

Патріархальная жизнь семейства окружила этотъ священный праздникъ особеннымъ вниманіемъ. Такое глубокое по смыслу празднованіе болѣе, нежели другое событіе въ семейной жизни, стало призывомъ всѣхъ, раздѣлявшихъ христіанскую радость именинника и его семейства, послужило поводомъ къ собранію гостей и раздѣлу съ ними праздника за радушнымъ столомъ. На усердіе и радушіе хозяевъ откликались такимъ же усердіемъ гости, принося съ собою разнаго рода подарки имениннику. Свободно и широко развертывалось патріархальное общеніе въ этомъ праздникѣ уже не одной семьи, а какъ бы цѣлаго общества семействъ, цѣлаго рода. Угостить гостей считалось непремѣннымъ долгомъ для хозяевъ, хлѣбосольные хозяева находили въ этомъ особенное удовольствіе. Стоило только приложить труда хозяйкѣ и всему дому, и патріархальная простота благодушно праздновала за незатѣйливыми домашними яствами.

Такъ въ патріархальномъ быту укрѣплялся этотъ обычай именинъ, и легко, и свободно выражалось въ этой прекрасной формѣ то глубокое содержаніе, которое дало ей высокое вліяніе Церкви.

Казалось бы, подобные похвальные обычаи, независимо отъ формъ, въ которыя облекала ихъ патріархальная жизнь семейства, и которыя съ измѣненіемъ условій жизни могли бы замѣниться иными формами, должны бы жить вѣчно въ

средѣ христіанскаго общества, какъ вѣчно живое возбужденіе идеи братства и христіанскаго единенія уже по болѣе широкой основѣ человѣчности, на развитіе которой такъ притязательно наше время. Но, при нерасположеніи ко всему патріархальному, и прекрасный обычай праздновать день именинъ въ средѣ знакомыхъ уже значительно ослабѣваетъ въ наше время. Правда, наше время не можетъ выдержать сравненія съ временемъ патріархальныхъ отношеній касательно условій жизни. Прежде семья сама въ себѣ находила силы и средства къ широкому простору угощенія. Патріархальная простота не знала, напр., нарочно приглашенныхъ къ столу лакеевъ; слугъ было достаточно, чтобы приготовить и закуску и пирогъ и пр. Было изъ чего и приготовить—все было дома, прикупить кое-что было не трудно, и не дорого. Семейства не кормились, какъ теперь часто, изъ ресторановъ и гостиницъ; не было нужды, слѣдов., заказывать на сторонѣ нужное для угощенія. Мать и дочери принимали непосредственное участіе въ приготовленіяхъ къ праздничному столу. Самый бытъ семейный былъ таковъ, что для матери и дочерей праздничныя заботы и хлопоты дня именинъ пріятно разнообразили исполнѣ домашнюю жизнь, и потому были очень желательнымъ развлеченіемъ. Не было тогда ни постоянныхъ и нестоимыхъ на приманки общественныхъ увеселеній и зрѣлищъ, ни модныхъ магазиновъ, въ которыхъ можно проводить время, толкаясь, суетясь, и думать, что дѣло дѣлаютъ, ни публичныхъ курсовъ по различнымъ предметамъ знанія, ни концертовъ, ни даже романовъ, въ чтеніи которыхъ можно бы убивать время и думать, что приобрѣтаютъ знаніе жизни. Патріархальной семьѣ суждено было въ себѣ самой находить, отрываясь отъ труда, необходимое для человѣка оживленіе разнообразія. День именинъ въ этомъ отношеніи болѣе другихъ семейныхъ праздниковъ приносилъ семьѣ праздничнаго

веселія и приходился ей по душѣ. Теперь совсѣмъ не то. Принимать гостей по-старому стало теперь уже невозможно для большей части семействъ. Прибавимъ еще и то, что патріархальный бытъ почти не зналъ одиночества и холостой жизни,—ихъ мѣсто было въ многочисленныхъ тогда монастыряхъ,—не зналъ, значить, такой формы жизни, при которой уже совершенно немыслимы какія-либо хозяйственныя приготовленія въ патріархальномъ смыслѣ. Далѣе, нечего уже и говорить, насколько нашъ семейный бытъ не похожъ на бытъ старой семьи. И вотъ обычай, самъ по себѣ глубоко знаменательный, показался нашему вѣку, потерявшему смыслъ его, уже не современнымъ и стали отдѣлываться отъ него, стали сбрасывать съ себя его бремя—и сбрасывать иногда ужь очень безцеремонно... Стали уѣзжать изъ дому, стали съ большею охотою въ день именинъ предаваться служебнымъ обязанностямъ, чѣмъ въ другіе дни; вмѣсто личнаго свиданія и дорогаго привѣта «съ днемъ ангела» стали охотно довольствоваться безмолвною визитною карточкою, отдѣлываясь такимъ образомъ отъ гостей и избѣгая надобности угощать, безпекотиться, быть въ напряженіи цѣлый день. Личныя привѣтствія, личное общеніе, это существенное содержаніе священнаго обычая именинъ, приходится иногда замѣнять пока карточками, а тамъ и въ этомъ уже не будетъ настоять никакой надобности. День именинъ уже и теперь для многихъ проходитъ незамѣченнымъ въ христіанской средѣ родныхъ и знакомыхъ именинника. Иные даже не находятъ нужнымъ заявлять чѣмъ-либо объ этомъ днѣ, и рады бываютъ, когда никто не знаетъ, никто не приходитъ ихъ поздравлять, никто не добучаетъ имъ и не мѣшаетъ жить обычною жизнью. Не мало уже въ православной средѣ и такихъ, которые и сами вовсе не празднуютъ день именинъ, отличая его чѣмъ-либо отъ другихъ дней хоть въ семейной средѣ.

Вотъ что сдѣлалось въ наше время съ обычаемъ, столь почтительно хранимымъ стариною. Намъ стали тяготить формы патріархальнаго общенія, и мы ихъ отвергаемъ, какъ достойніе старины, любившей много праздновать и, празднуя, много пить и ѣсть; но, къ сожалѣнію, формъ этихъ мы не замѣняемъ новыми, которыя, соотвѣтственно съ настоящими условіями жизни, сохранили бы для насъ и для будущихъ поколѣній глубокую мысль, легшую въ основаніе патріархальнаго общенія. Съ старыми формами мы безъ сожалѣнія, безъ размышленія изгоняемъ изъ своей жизни и ихъ вѣковѣчное содержаніе. Не имѣя патріархальныхъ средствъ къ раздѣлу общенія съ людьми, пусть мы уже не печемъ пироговъ и не готовимъ закусокъ и угощень—не въ этомъ и суть; но развѣ не могли бы мы приходящихъ къ намъ собратій принять съ любезною ласкою и общительностью и благодарностью отвѣтить на ихъ привѣтствія, которыя должны бы умножать нашу радость, а не смущать нашъ душевный миръ? Напротивъ, уклоняясь отъ приема посѣтителей, желающихъ насъ привѣтствовать, развѣ мы, съ одной стороны, не охлаждаемъ въ нихъ священнаго желанія выразить свое общеніе съ нами въ нашей радости въ формѣ сколько древней, столько же и священной? развѣ, съ другой стороны, отказываясь выслушать эти привѣты, столь дорогіе для христіанскаго сердца, мы не обнаруживаемъ тѣмъ, что мы уже не даемъ имъ никакого значенія, что во-все не признаемъ для себя чести въ томъ, съ чѣмъ собираются насъ привѣтствовать,—что священное имя, нами носимое, не составляетъ для насъ того счастья, съ которымъ хотятъ поздравить насъ наши собратья, раздѣляющіе съ нами блага вѣры и обѣтованія неба? Развѣ, отвергая формы патріархальнаго общенія, потому-ли, что не находимъ для себя возможнымъ предложить своимъ гостямъ приличное гущее, потому-ли, что бережемъ нашъ покой и боимся без-

покойства, мы не выбрасываемъ изъ своей души того святаго чувства, которое Церковь, переводя въ жизненные формы, хочетъ поселить въ нашемъ сердцѣ—высокаго чувства человѣчности и христіанскаго общенія? Развѣ, чуждаясь такихъ братскихъ отношеній, мы не прячемся отъ этого обобщающаго дѣйствія жизни въ себялюбивую обособленность личнаго удобства, личнаго покоя, жертвуя имъ дѣломъ святой любви, святаго единенія? Развѣ, дѣйствуя такъ, стоимъ мы на высотѣ того пониманія жизни и человѣчности, какое присвоаетъ себѣ наше время, отворачиваясь отъ сѣдой старины, времени предразсудковъ и умственной узкости?...

Такъ, пріобрѣтая многое изъ достоянія новаго времени, мы утрачиваемъ главнѣйшее—духъ христіанскаго общенія и братства и... духъ старины, умѣвшей въ свое время создать соотвѣтственные времени формы для его прекраснаго выраженія. Мы не понимаемъ теперь ни этихъ формъ, ни того высокаго смысла, который былъ вложенъ въ нихъ дѣйствіемъ православія въ средѣ патріархальнаго общества. Тѣмъ хуже для насъ. Нашъ покой остается невозмущеннымъ въ день именинъ, мы не утомляемся отъ пріема гостей; но мы оскорбляемъ святое чувство братской любви, мы ослабляемъ въ себѣ сознаніе нашей связи съ міромъ невидимымъ, мы отнимаемъ отъ себя и послѣднія утѣшенія, когда для насъ перестанутъ существовать радости земли и наскутитъ намъ покой и однообразіе старости, когда день именинъ и святыхъ привѣтствій могъ бы поднять и ободрить нашъ духъ и оживить въ насъ, такъ сказать, у самаго порога смерти, святая надежды на »покой со святыми«, нашими покровителями!

(Продолженіе будетъ).

ОТВѢТЪ ЦЕРКОВНО-ПАСТЫРСКОЙ ПРАКТИКИ НА СОВРЕМЕННЫЕ ПАСТЫРСКІЕ ВОПРОСЫ.

Насъ спрашиваютъ малоопытные въ пастырствѣ іереи: »какъ быть священнику при тѣхъ заявленіяхъ, случающихся иногда со стороны нѣкоторыхъ прихожанъ, что въ домѣ ихъ *что-то нечисто*? Не будетъ ли со стороны пастыря потворствомъ суевѣрію являться въ такіе дома для совершенія церковнаго молитвословія къ прогнанію нечистаго?«... Нельзя не согласиться, что вопросы эти далеко не праздные, не придуманные, а вызваны дѣйствительно случающимися потребностями пастырства. Вотъ, напримѣръ, случай не давно оглашенный даже въ газетахъ. »Съ 19 на 20 число августа сего года часу въ 10-мъ вечера, въ квартирѣ нѣкоего купца М—на ¹⁾, вдругъ послышались легкіе удары какъ будто отъ руки, ударающей въ оконныя стекла, а потомъ тогъ же стукъ, только гораздо сильнѣе, начался и въ стѣну, отъ котораго задрожали оконныя рамы и стекла. Удары, все усиливаясь часъ отъ часу, сдѣлались наконецъ такъ сильны, что образа съ полки полетѣли на полъ, чайная и фарфоровая и стеклянная посуда въ шкафу задребезжала и пошла ходуномъ... Сначала удары были рѣдкіе и съ нѣкоторыми промежутками, а потомъ они дѣлались все чаще и чаще, такъ что однажды насчитали до 70 ударовъ къ ряду за одинъ пріемъ... Особенность этихъ ударовъ заключалась въ томъ, что они походили нѣсколько на удары, какіе бываютъ въ зимнее время отъ большихъ морозовъ, съ тою только разницею, что отъ ударовъ мороза не дрожатъ рамы въ окнахъ, а здѣсь напротивъ—дрожить все, что только можетъ колебаться. Такимъ образомъ, это безпокойство отъ невидимой силы продолжалось не одну, а цѣлыхъ три ночи съ ряду. Объ этомъ

¹⁾ Дѣло было въ гор. Даниловѣ.

пронсшествіи, разумѣется, тотчасъ дано было знать полиціи, и на слѣдующую ночь былъ въ сказанномъ домѣ поставленъ караулъ; но невидимая сила не побоялась этого: стукъ по ночамъ, какъ и прежде, не умолкалъ. Само собою понятно, что отъ такого сюрприза живущіе въ томъ домѣ были сильно перепуганы: постояльцы, какіе квартировали тамъ, хотѣли уже перебираться на другія квартиры, а обыватели сосѣднихъ домовъ были тоже въ страшномъ переполохѣ. Но къ счастью взялись за послѣднее средство, и оно помогло. Пригласили въ сказанный домъ священника, отслужили молебенъ съ водосвятиемъ—и къ общему всѣхъ удовольствію—вражеская невидимая сила перестала стучать». Руководитель газеты, помѣстившей на своихъ столбцахъ этотъ разсказъ, видитъ во всемъ этомъ »непскоренимое суевѣріе«. Неужели въ этомъ случаѣ священникъ, явившійся въ тотъ домъ, гдѣ происходило описанное, для совершенія молебна и водоосвященія, оказался пособникомъ только суевѣрію въ цѣломъ городѣ? Неужели ему слѣдовало отказаться отъ совершенія молитвеннаго дѣйствія, не смотря на зовъ со стороны потревоженныхъ прихожанъ? Неужели и священнику слѣдовало бы обождать съ водосвятиемъ, до полученія »разъясненія загадки отъ распорядительности мѣстной полиціи?«... Но вотъ и другой случай, уже разслѣдованный мѣстною полиціей и извѣстный намъ изъ архивныхъ дѣлъ ея—ой консисторіи. Дѣло было въ 1862 году и по донесенію благочиннаго епархіальному преосвященному и становаго пристава начальнику губерніи состояло въ слѣдующемъ: »Священникъ М. Т. проживалъ въ построенномъ для священника церковномъ домѣ семь лѣтъ до 2-го іюля 1862 года спокойно и благополучно. Но съ 2-го числа іюля начали проявиться въ этомъ домѣ какія-то странныя, ужасныя, необыкновенныя и сверхъестественныя явленія, какъ то: въ одной комнатѣ спальной изъ-подъ полу сна-

чала слышалось какое-то непонятное царапанье, что можно было присуждать къ дѣйствию крысъ, но потомъ въ слѣдующія ночи слышался въ стѣнѣ подобный барабанному бою стукъ; потомъ бросаемы были неизвѣстно откуда и гдѣмъ, не только ночью, но и днемъ, камни и песокъ и даже переносились изъ одной комнаты въ другую разныя вещи и разбивались; даже изъ погреба кувшины съ молокомъ, изъ печи горшки съ варивомъ и вообще все поваренное въ печи переносилось въ комнату и разбивалось въ виду присутствовавшихъ, неприкосновенными только остались иконы и священническая грамота. Въ слѣдствіе этихъ непостижимыхъ дѣйствій священникъ-хозяинъ дома, для отклоненія и отогнанія отъ своего дома сихъ страшныхъ, пожелалъ съ полною вѣрою и упованіемъ на покровъ и помощь свыше и прибѣгнулъ тотчасъ съ другимъ священникомъ Т. З. отправить одиннадцать молебствій въ домѣ, потомъ и освященъ былъ сей же домъ; но и за симъ помянутыя таковыя же дѣйствія не прекращались, и священникъ З., ночевавшій въ домѣ, занимаемомъ священникомъ Т., послѣ освященія онаго, былъ личнымъ свидѣтелемъ вышеобъясненныхъ непостижимыхъ и страшныхъ дѣйствій, какъ равно и мѣстные причетники и другія лица, ночевавшіе разновременно въ показанномъ домѣ, подтверждаютъ достовѣрность этихъ дѣйствій. Но какъ священнику Т. съ его семействомъ, такъ и другимъ лицамъ, ночевавшимъ въ домѣ его же и бывшимъ очевидцамъ таковыхъ непріятныхъ и необыкновенныхъ проявленій и дѣйствій, не причинено никакого вреда, — бромъ того что въ этой квартирѣ Т. все вообще какъ мебель комнатная, такъ и столовая и кухонная посуда перебиты, и потому онъ вынужденъ былъ оставить этотъ домъ и перейти въ другую квартиру, въ которой проживаетъ и доселѣ спокойно и благополучно. Къ прежней же квартирѣ священника Т. никто изъ семейства его не былъ допущаемъ даже днемъ, ибо если кто появлялся къ оной, или къ двору его, то бросаемы были предъ нимъ невидимою силою камни и песокъ. Всѣ розыски и разслѣдованія историческимъ порядкомъ причинъ и основанія таковыхъ необычайныхъ явленій и дѣйствій оказались невозможными къ раскрытію, познанію и совершенному дознанію... Намъ оба эти случаи представляются имѣющими одинъ и тотъ же характеръ; только въ первомъ церковныя молитвословія оказались благо-

успѣшными, во второмъ они оказались тщетными: домъ пришлось совсѣмъ разрушить до основанія. Нѣтъ намъ надобности здѣсь изслѣдовать главную пружину дѣйствій въ томъ и другомъ случаѣ, равно какъ нѣтъ надобности доказывать читателямъ и *возможность* въ представленныхъ случаяхъ участія той силы, которая считается по ученію христіанскому враждебною человѣку и его внутреннему и внѣшнему благосостоянію. Для насъ достаточно и для нашей цѣли ничего больше и не нужно кромѣ сказаннаго выше, что »всѣ розыски и разслѣдованія причинъ и основанія разсказанныхъ необычайныхъ явленій и дѣйствій оказались невозможными къ раскрытію, понятію и совершенному дознанію«. Нѣтъ дѣла намъ и до скептическаго отношенія нѣкоторыхъ къ подобнымъ явленіямъ. Признающій христіанское ученіе о злыхъ духахъ, не будучи и суетворомъ, долженъ сознательно признать и основательность приложенія этого ученія къ нѣкоторымъ явленіямъ и дѣйствіямъ человѣческой жизни, не находящимъ себѣ разъясненія при всѣхъ полицейскихъ и скептическихъ »розыскахъ и разслѣдованіяхъ«. Всѣ крайности и уродства народной демонологіи не должны служить для пастыря основаніемъ къ уклоненію отъ соотвѣтствующихъ его служенію дѣйствій, когда прихожане нуждаются и положительно заявляютъ свое желаніе духовной помощи своего пастыря. Исторія церковной пастырской практики для подобныхъ случаевъ представляетъ слѣдующее *наказаніе*, т. е. наставленіе, печатавшееся въ старинныхъ требникахъ предъ »Вослѣдованіемъ молитвеннымъ надъ домомъ или мѣстомъ очародѣяннымъ и оплазняемымъ отъ злыхъ мечтовъ«. Признавая, что »діаволъ имуще зѣльную попремногу къ человѣкомъ ненависть«, могутъ вредить не только самимъ людямъ, но и животнымъ и вообще собственности человѣка, какъ это видно на примѣрѣ многострадальнаго и праведнаго Іова, котораго діаволъ не прежде поразилъ съ головы до ногъ болѣзнію, какъ лишивши его напередъ всего имущества, пастырская церковная практика допускаетъ при этомъ, что діаволъ по большей части лукавыхъ людей творитъ своимъ орудіемъ. Само собою разумѣется, что это дѣлается не иначе, какъ по допущенію божественному, что особенно видно въ чародѣаніяхъ вѣлховъ фараоновыхъ, которые не все могли дѣлать, что хотѣли. По этому пастырское средство для избѣжанія бѣдъ въ такихъ случаяхъ рекомендуется

первѣе всего — еже къ Нему (Богу) прибѣгнуть чрезъ истинное покаіаніе исповѣданіе же грѣховъ своихъ и дозвѣствованіе въ тѣхъ, яже къ Богу и ближнему прислушаютъ. Потомъ же притещи къ молитвѣ церковной чрезъ Божественныя литургіи, молитвы же, молющія и пощенія. Но совѣтуя духовныя средства, пастырская практика не выпускаетъ изъ виду и естественныхъ средствъ... »Достойтъ же, говорится далѣе въ *наказаніи*, чародѣйствія сокровенная пощекати, что въ представленныхъ выше двухъ случаяхъ сдѣлала мѣстная полиція. А чтобы не было со стороны потворства суевѣрію, то для избѣжанія этого *наказаніе* прибавляетъ: »но убо никакоже подобаетъ чародѣяннѣ чародѣйствомъ испражнять, нечестиво бо есть се, и зѣло богопротивно«. Когда же и указанныя мѣры окажутся безуспѣшными »и убо аще зло оное не престанетъ«, тогда только дозволяется священнику совершить »Вослѣдованіе молитвенное«, какъ оно изложено въ *требникѣ*. Священникъ съ своей стороны долженъ предварительно быть приготовленъ къ совершенію »Вослѣдованія молитвеннаго«. По замѣчанію *наказанія* онъ долженъ быть вооруженъ твердою вѣрою и добродѣтельнымъ житіемъ. Кромѣ того предъ совершеніемъ »Вослѣдованія« долженъ поститься по крайней мѣрѣ одинъ день. Въ самый же день совершенія »Вослѣдованія« онъ долженъ совершить Божественную Службу, призывая къ своему дѣлу помощь Божию, распорядившись предварительно »всѣмъ въ дому ономъ пребывающимъ грѣховъ своихъ чинно исповѣдаться, и день единъ постити, и милостыню нищимъ по силѣ сотворити и прилежно Богу молитися«. Самое »Вослѣдованіе молитвенное надъ домомъ очародѣяннымъ«, состоящее главнымъ образомъ изъ двухъ молитвъ къ Христу Спасителю и заклинанія съ окропленіемъ дома священной водою служить такимъ образомъ и предлагается не какъ рѣшительное и несомнѣнное средство, но сила его употребленія очевидно ставится къ зависимость отъ другихъ духовныхъ средствъ, указанныхъ выше. Болѣе осторожное и благоразумное наставленіе едва ли въ подобномъ случаѣ можно и представить. Очевидно, что при этомъ пастырь не выступаетъ изъ границъ пастырства; чуждъ онъ при этомъ и всякаго потворства суевѣрію; не уклоняется онъ и вступитъ въ борьбу съ враждебною силою, проявляющеюся не только въ »извѣстныхъ« дѣйствіяхъ, но и вообще въ грѣховныхъ дѣйствіяхъ людей.

Пусть бы даже въ данномъ случаѣ тревога виѣшняя въ домѣ прихожанина, обратившагося къ своему пастырю за духовною помощію, и не тамъ имѣла свою причину, гдѣ предполагалъ встревоженный умъ и безпокойное воображеніе; пусть не прямое, а и косвенное только участіе злой живой силы будетъ причиною возбужденной тревоги: во всякомъ случаѣ, при вѣрѣ въ постоянныя дѣйствія злаго духа, противодействующаго всему доброму въ мірѣ и человѣчествѣ, предлагаемыя прошедшею церковною пастырскою практикою мѣры могутъ быть безъ всякаго душевнаго смущенія употребляемы въ потребныхъ случаяхъ и въ современной церковно-пастырской практикѣ. Нечего пастырю въ этомъ случаѣ бояться нареканій въ потворствѣ суевѣрію, противодействовать которому онъ дѣйствительно долженъ, когда встрѣчается съ таковымъ; но онъ при этомъ не долженъ выпускать изъ виду, что перѣдко многіе считаютъ суевѣріемъ и многое такое, что въ сущности совершенно не принадлежитъ къ области суевѣрія; пастырю не начинать учить въ распредѣленіи границъ между суевѣріемъ и предметами вѣры. Христіанское ученіе о злыхъ духахъ и народная демонологія на столько отдалены другъ отъ друга, что даже и не богослову не трудно усвоить различіе между ними. Забота пастыря должна простираться не на то только, чтобы истребить въ своихъ прихожанахъ суевѣрные остатки языческой демонологіи, но и на то, чтобы подъ видомъ суевѣрія заурядъ не утрачено было и истинно христіанское ученіе о злыхъ духахъ. Неумѣреннаго скептическаго отношенія священника ко всякимъ заявленіямъ его прихожанъ «о пакостяхъ нечистаго» и способствовало бы къ потерѣ вѣры въ церковное ученіе о дьяволѣ, и не истребило бы между тѣмъ народнаго суевѣрія. Здравое, молитвенное отношеніе ко всякому явленію никогда не причинитъ вреда.

Х. О.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ

«НАРОДНОЙ ШКОЛЫ»

въ 1871 году.

«Народная Школа» будетъ издаваться въ слѣдующемъ 1871 году подъ тою же редакціей и по той же про-

граммъ, какъ издавалась въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ.

Въ составъ ея войдутъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Законодательство. 2) Педагогика и Дидактика. 3) Исторія народныхъ школъ и народнаго образованія. 4) Статьи научнаго содержанія. 5) Критика и Библиографія и 6) Смѣсь и Новости.

Сверхъ того, при «Народной Школѣ» будутъ выходить постоянныя и временныя приложенія. Къ первымъ относится:

1) Лѣтопись С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества.

2) Лѣтопись Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

3) Политическія извѣстія для народныхъ учителей, выдаваемые ежемесячно, въ размѣрѣ отъ половины до одного листа.

4) Сборникъ статей по естествовѣдѣнію и технику, и

5) Библиографическій Листокъ.

Но кромѣ перечисленныхъ *постоянныхъ* и обязательныхъ для редакціи приложеній, она надѣется, по примѣру первыхъ двухъ лѣтъ, выдать еще *особыхъ* приложенія. Вообще, редакція проситъ своихъ читателей смотрѣть на «Народную Школу», одобренную министерствомъ народнаго просвѣщенія и признанную органомъ трехъ обществъ—С.-Петербургскаго педагогическаго, Комитета грамотности и Московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ,—какъ на изданіе, которое можетъ выполнить всю свою программу только въ нѣсколько лѣтъ, такъ какъ въ своихъ приложеніяхъ она предполагаетъ дать цѣлый рядъ книгъ и пособій, необходимыхъ каждому образованному народному учителю.

«Народная Школа» будетъ выходить, по прежнему, разъ въ мѣсяцъ, выпусками, безъ приложеній, отъ 2 и болѣе листовъ, въ 8 долей и въ 2 столбца; съ приложеніями объемъ ея увеличится вдвое.

Цѣна «Народной Школы», со всѣми имѣющими быть приложеніями, которыхъ въ текущемъ году было до *деяти*, остается та же, а именно, съ пересылкою и доставкой, 4 рубля.

Подписка принимается: для иногородныхъ *исключительно* въ редакціи «Народной Школы»; для городскихъ

же жителей, кромѣ редакціи, во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Желающіе получить квитанцію, въ полученіи высланныхъ въ редакцію денегъ, прилагаютъ 10 конѣсную почтовую марку.

Отвѣтственность за доставленіе журнала лежитъ на прямой обязанности почтамта. Но такъ какъ почтамтъ не отвѣчаетъ за пронажу въ дорогѣ высланныхъ номеровъ журнала, а съ другой стороны редакція не имѣетъ никакой возможности производить контроль, дѣйствительно ли не доставленъ почтою вышедшій высланный номеръ, а не потерянъ самымъ подписчикомъ, то съ будущаго года редакція устанавливаетъ слѣдующія два правила, безъ соблюденія которыхъ не будутъ ею удовлетворяться жалобы подписчиковъ:

1) Неполучившій какого либо номера «Народной Школы» обязанъ представить въ редакцію свидѣтельство мѣстной почтовой конторы въ томъ, что онъ дѣйствительно не получилъ такого-то № журнала и

2) Редакція, при соблюденіи перваго условія подписчикомъ, будетъ удовлетворять только тѣхъ изъ нихъ, которые заявятъ ей свои жалобы не далѣе двухъ мѣсяцевъ со дня выхода неполученнаго ими номера журнала.

Статьи и корреспонденціи просить высылать прямо въ редакцію журнала.

Во избѣжаніе излишней переписки, редакція покорнѣе проситъ редакціи тѣхъ губернскихъ вѣдомостей и другихъ періодическихъ изданій, съ которыми она обмѣнивалась своимъ изданіемъ въ текущемъ году, продолжать этотъ обмѣнъ и въ будущемъ. При этомъ она покорнѣе проситъ эти редакціи перепечатать настоящее объявленіе объ изданіи «Народной Школы» въ 1871 году.

Редакторъ-издатель *О. Мидниковъ*.